

PHILOSOPHY OF THE EAST
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture
ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА
Философская антропология, философия культуры

Научная статья

Философские науки

УДК 1(091)(34)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-405-418>

**«Камо грядеши?»: проблемы и перспективы
изучения джайнизма в России и за рубежом
(история)**

Наталья Анатольевна Железнова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

n.zheleznova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0806>

Аннотация. Данная работа является продолжением ранее опубликованной статьи ««Камо грядеши?»: проблемы и перспективы изучения джайнизма в России и за рубежом (начало)» и посвящена историческим исследованиям в Jain Studies. Фундаментом для научного изучения истории джайнизма послужило издание эпиграфики Индии 1882–1977 гг. Автор прослеживает эволюцию работы индийских ученых от написания книг по истории джайнизма в конкретном регионе до создания общей истории джайнской общины и подчеркивает разницу в методологических подходах индийских и западных историков при изучении источников. Первые не критически излагают устоявшиеся внутри джайнской традиции крупные нарративные сюжеты, вторые же более сдержанно относятся к подобным сообщениям и предпочитают в своих выводах исходить из данных эпиграфики и анализа письменных источников.

Ключевые слова: джайнизм; вегетарианство; шветамбарский канон; исторические нарративы; Карнатака; Шравана Белгола; Джагдишчандра Джайн; Пол Дандас

Для цитирования: Железнова Н. А. «Камо грядеши?»: проблемы и перспективы изучения джайнизма в России и за рубежом (история). *Ориенталистика*. 2024;7(2):405–418. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-405-418>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Железнова Н. А., 2024
© Ориенталистика, 2024

“Quo vadis?»: problems and prospects of studying Jainism in Russia and abroad (History)

Natalia A. Zheleznova

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
n.zheleznova@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0806>*

Abstract. This work is a continuation of the previously published article “Quo vadis?»: problems and prospects of studying Jainism in Russia and abroad (Beginning)» and is devoted to research of history in Jain Studies. The basic ground for the academic approach of the history of Jainism was the publication of the *Epigraphia Indica* in 1882–1977. The author traces the evolution of the work of Indian scholars from writing books on the history of Jainism in a particular region to creating a general history of the Jain community and emphasizes the difference in the methodological approaches between Indian and Western historians when studying sources. The former uncritically expound large narratives established within the Jain tradition, while the latter are more restrained towards such messages and prefer to base their conclusions on the data of epigraphy and analysis of texts.

Keywords: Jainism; vegetarianism; śvetāmbara canon; historical narratives; Karnataka; Śravaṇa Beḷagoḷa; Jagdishchandra Jain; Paul Dundas

For citation: Zheleznova N. “Quo vadis?»: problems and prospects of studying Jainism in Russia and abroad (History). *Orientalistica*. 2024;7(2):405–418. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-405-418>.

«Плыдем. Куда ж нам плыть...»

Первый этап изучения джайнизма, связанный главным образом с появлением самого термина «джайнизм» в академической среде и с публикациями текстов, а также с первыми исследовательскими работами, посвященными рассмотрению джайнской доктрины в целом, ранее был автором ограничен серединой XIX в. — 20-ми гг. XX в. Начиная же с 20-х гг. XX в. джайнология вступила в новую стадию. Интерес к джайнизму в целом стал перерастать в исследование конкретных предметных сфер — истории, философии, «историософии» и нарративной литературы, т. е. тем областям, которые в той или иной степени были затронуты пионерами джайнологии. Это привело к обособлению «микродисциплин» в Jain Studies. Начатое полвека назад и обобщенное в замечательных трудах В. Шубринга и Н. фон Глазенаппа изучение письменного наследия последователей Махавиры продолжил ученик первого Людвиг Альсдорф (1904–1978), издавший несколько статей по джайнской нарративной литературе на среднеиндийском языке апабхрамша, а также книгу о исто-

рии вегетарианства в Индии [Alsdorf, 2010], где, опираясь на соответствующие пассажи из наиболее ранних и авторитетных текстов шветамбарского канона, а именно на «Ачаранга-сутру», «Самаваяангу» и «Сутракритангу»¹, доказал, что первоначально монашеские правила подразумевали только запрет на употребление мяса и рыбы со множеством костей [Alsdorf, 2010, p. 8–9]². По-видимому, исторический основатель джайнизма Джина Махавира и джайны в начале становления своей традиции не предписывали жесткое вегетарианство, как это утвердилось впоследствии в самом учении в качестве главного отличительного признака именно джайнской религии. Исторический и научный подход к проблеме неупотребления мяса и рыбы джайнами был несколько раньше обозначен в связи с проблемой адекватного понимания и правильного перевода ранних текстов шветамбарского канона в 1932 г., когда вышел перевод австрийского авторитетного индолога В. Шубринга одной из канонических *мула-супт* (*mūla-sūtra*, букв. «корневая сутра») «Дашавайкалика» (санскр. *Daśavaikālika-sūtra*, пракр. *Dasaveyāliya-sutta*). В своей работе ученый перевел слова *maṃsa* и *maccha* (пракр., букв. «мясо» и «рыба» соответственно) как «мясо» и «рыба» применительно к монашеской пище, не полагаясь на значительно более поздние джайнские комментарии (начиная с VIII в. — в истолкованиях Харибхадры Сури и IX в. — в сочинениях Шиланки) и интерпретации этих слов как «фрукт с твердой косточкой» и «черешки». Тогда же, ознакомившись с английским переводом четырех текстов канона другого известного специалиста по джайнизму Г. Якоби, вышедших в серии Макса Мюллера "Sacred Books of the East" в 1884 г. (I том) и 1895 г. (II том), где данные слова были переведены таким же образом, представители джайнской общины Бомбея (совр. Мумбаи, шт. Махараштра) выслали письменный протест М. Мюллеру с «разъяснением», как следует понимать эти слова в контексте джайнской монашеской традиции. По настоящее время никто из числа джайнов (как индологов, так и адептов) не рассматривает возможность словарного, буквального понимания вышеуказанных слов применительно к текстам канона. Европейские же ученые в целом придерживаются точки зрения Г. Якоби и В. Шубринга, резонно полагая, что вегетарианство как обязательная норма в джайнизме возникло позднее. Собственно, это и послужило в какой-то мере «лакмусовой бумажкой» для определения и разведения позиций джайнов, исповедующих учение Махавиры, и изучающих его джайнологов.

«Пусть имена цветущих городов ласкают слух значительностью бренной...»

Фундамент собственно исторических исследований внутри Jain Studies был заложен публикацией индийской эпиграфики в многотомном издании серии *Epigraphia Indica*. Оно выходило с 1882 по 1977 г. и включило в себя 42 тома, каждый из которых выходил раз в два года. С тех пор ни одна книга, посвящен-

¹ Общая характеристика шветамбарского канона и составляющих его текстов см.: [Железнова, 2012, с. 40–47].

² Сам Л. Альсдорф объяснил это монашеское правило бытованием во времена Махавиры архаических представлений об особой магической силе костей [Alsdorf, 2010, p. 11].

ная истории джайнизма, не обходится без ссылок на тот или иной том данной серии. Эпиграфические данные позволяют с большей или меньшей степенью достоверности делать выводы о формировании и развитии джайнской сангхи в разных регионах Индийского субконтинента.

Следует отметить, что основной массив исследований по джайнизму составляют именно работы исторического характера. При этом лидирующее (по количеству опубликованного) положение занимают индийские ученые, интерес которых сосредоточен в основном на рассказе о том, что происходило с джайнами в том или ином регионе Индии. Это и понятно, ведь исторически джайнизм как организованная религия возник в той области северо-восточной Индии, Магадхе, (совр. шт. Бихар), из которой он довольно быстро был вытеснен, а затем распространился в другие части Индии. Начиная с периода около 185 г. до н. э. (после падения династии Маурьев) джайны мигрируют по двум основным направлениям вдоль важных торговых путей, идущих вниз восток на дравидийский юг (из Патны в Бихаре в Ориссу и на юг в Андхра-Прадеш, Карнатаку и Тамилнаду) и на запад (параллельно течению Ганги вплоть до Матхуры около Агры на реке Ямуна / Джамна). Это распространение джайнской Дхармы и находит отражение в исторических работах, зачастую включающих в свое название топоним вкупе со словом «джайны» или «джайнизм». Типичными примерами подобного рода исследований являются работы М. С. К. Айенгара и В. С. Рао «Исследования по джайнизму в Южной Индии» [Aiyangar, Rao, 1922], Ч. Б. Шетха «Джайнизм в Гуджарате» [Sheth, 1953], К. С. Джайна «Джайнизм в Раджастхане» [Jain, 1963], Р. П. Сингха «Джайнизм в раннесредневековой Карнатаке» [Singh, 1975], Б. К. Тивари «История джайнизма в Бихаре» [Tiwary, 1996], Ч. Дж. Шаха «Джайнизм в Северной Индии» [Shah, 1989], П. Джаша «Некоторые аспекты джайнизма в Восточной Индии» [Jash, 1989], Дж. Джавахарлала «Джайнизм согласно надписям в Андхре» [Jawaharlal, 1994], С. П. Чавана «Джайнизм в Южной Карнатаке» [Chawan, 2005] и др.

Одним из самых серьезных исторических трудов середины XX в. (не утративших своей значимости и по сей день) является фундаментальная монография Джагдишчандры Джайна «Жизнь в Древней Индии как она описана в джайнском каноне и комментариях с VI в. до н. э. до XVII в. н. э.» (англ. *Life in Ancient India as Depicted in the Jain Canon and Commentaries. 6th century BC to 17th century AD*), впервые вышедшая в 1947 г. и переизданная в 1984 г. [Jain, 1987]. Автор подробно характеризует административную организацию, включая право, сельское хозяйство, военное дело и налоговые установления, особенности социального устройства (варновые обязанности, семья, положение женщин, образовательные институции, науки и искусства, а также нормы и обычаи) и религиозные общины Древней Индии согласно тому, как они представлены в различных частях джайнского канонического корпуса. Книга Дж. Джайна благодаря своей фундированности, охвату большого числа малоизвестных тогда текстов и скрупулезному вниманию к деталям показала, насколько ценным историческим источником может быть собрание текстов канона, без изучения которого наше представление о реалиях древнеиндийского общества является в значительной степени ущербным и неполным. Следует отметить, что пионерское исследование Джагдишчандры Джайна по

анализу джайнских текстов в качестве источника для реконструкции истории Древней Индии нашло продолжение в небольшой, но содержательной книге Джьотипрасада Джайна «Джайнские источники по истории Древней Индии (100 до н. э. — 900 н. э.)» (англ. *The Jaina Sources of the History of Ancient India (100 BC–AD 900)*), вышедшей в 1964 и переизданной в 2005 г. [Jain, 2005]. Иными словами, Джагдишчандра Джайн задал высокую планку для научных исследований в индийской историографии на долгие годы вперед. Западные индологи и по сей день нередко обращаются к его исследованию, несмотря на методологическую разницу в подходах и «оптике» рассматриваемых проблем³. Дж. Джайн — патриарх изучения истории джайнизма в Индии, чьи интересы охватывали самые различные аспекты ранней джайнской общины: от форм почитания изображений-*мурти* до развития нарративной литературы [Jain, 1992]. Он внес значительный вклад в изучение джайнской литературы на пракрите махараштри, издав в 1977 г. повесть «Странствования Васудевы» [Jain, 1977]. Результатом многолетних штудий разножанровых джайнских текстов на пракрите стал монументальный труд, изначально написанный на хинди, а затем переведенный на английский, — «История и развитие пракритской литературы» [Jain, 2004]. В нем автор довольно подробно рассматривает становление пракритов в соответствии с представлениями индийских средневековых грамматистов, отмечая, в первую очередь, вклад джайнских авторов. Отдельные разделы книги посвящены характеристике корпуса дигамбарских текстов и постканонической литературе шветамбаров. Кроме того, Дж. Джайн обстоятельно описывает поэзию, драму и различные виды нарративных текстов на пракритах, а также уделяет большое внимание сочинениям по грамматике, просодии, лексикографии и поэтике, в которых нашли отражение взгляды авторов на природу, историю возникновения и классификацию пракритов. Поскольку проблема статуса пракрита / пракритов в индологии до сих пор не получила удовлетворительного решения, то данная работа пока остается наиболее полным и влиятельным исследованием в этой области истории литературы, во всяком случае — ее джайнской составляющей.

В связи с этой темой заслуживает внимания книга еще одного индийского историка середины XX в. под названием «История монашества согласно эпиграфике и литературе» (англ. *History of Jaina Monasticism from Inscriptions and Literature*), поскольку ее автор, С. Б. Део, представил широкую и документально обоснованную картину истории монашеского движения в джайнизме [Deo, 1956]. На основании широкого круга использованных источников автор показал и преемственность ряда элементов ритуальной жизни монахов, усвоенных джайнами из различных школ брахманской традиции, и яркие отличительные черты джайнской практики. Анализ представленного индийским ученым материала также позволил ему убедительно продемонстрировать как влияние этики джайнов на бытовавшие в индийской религиозной культуре обряды (главным образом, идеала ненасилия-*ахимсы* на прекращение кровавых жертвоприношений), так и способность самой джайнской монашеской

³ Сам Л. Альсдорф объяснил это монашеское правило бытованием во времена Махавиры архаических представлений об особой магической силе костей [Alsdorf, 2010, p. 11].

общины приспосабливаться к меняющимся историческим условиям. Несмотря на более чем полувековую давность книга С. Б. Део не утратила своего научного значения и по-прежнему часто цитируется в современных работах по Jain Studies.

«Сперва я, как мудрец, беседовал с веками, потом свой дух вернул к первичной простоте...»

Будучи профессиональным историком, автор весьма осторожно (учитывая распространенный среди самих джайнов взгляд на время появления джайнизма благодаря деятельности первого *тиртханкара*⁴ Ришабхи / Адинатхи — сугубо мифологического персонажа джайнской «историософии») подчеркивает момент исторически фиксируемого выхода на религиозную арену последователей *тиртханкаров*, который он связывает с 23-м *тиртханкаром* Паршвой / Паршванатхой. С его точки зрения, именно Паршва ввел в обиход впоследствии широко распространенный термин «ниргрантха» (санскр. *nirgrantha* — «свободный от уз / оков»), которым обозначали его последователей [Chaterjee, 2000, p. 13]. Несмотря на то, что индийский историк в своих выводах целиком полагается на свидетельств текстов джайнского канона и отчасти буддийского палийского канона, он вполне здраво признает гипотетичность утверждения о том, что Паршва жил за 250 лет до последнего, 24-го *тиртханкара* Махавиры.

В целом же А. К. Чаттерджи умело лавирует между двумя возможными крайними подходами к тому, как оценивать с исторической точки зрения те сведения о джайнской общине, которые сообщает нам сама джайнская традиция в виде сохранившегося разновременного корпуса текстов и данных эпиграфики, с одной стороны, и сугубо критичным отношением западных индологов к тем же самым свидетельствам, с другой. Его работа не развенчивает никаких мифов — достаточно указать на то, что ее первая глава посвящена предшествующим *тиртханкарам* от первого Адинатхи до 22-го по имени Ариштанеми, но при этом автор аккуратно указывает литературные источники (средневековая «житийная» литература), из которых он черпает приводимые детали жизнеописаний, отдавая тем самым дань традиции, но не солидаризируясь с ней целиком.

Такой подход сохраняется в индийской историографии и по настоящее время. По очевидным причинам гиперкритицизм, присущий некоторым западным индологам прошлого и (в еще большей степени) настоящего, совершенно несвойственен их коллегам из Индии. Поэтому и не стоит ожидать от них особой дотошности при анализе как эпиграфических данных, так и литературных памятников. Самая распространенная среди индийских историков стратегия сводится к тому, чтобы собрать максимальное количество известных фактов

⁴ *Тиртханкар* (санскр. *tirthankara* — букв. «создатель переправы / брода») — провозвестник джайнского учения в каждую мировую эпоху, который сам достигает всеведения и наставляет в пути спасения все живые существа. Первым таким спасителем стал Адинатха, или Ришабха, последним, 24-м, *тиртханкаром* является исторический основатель джайнизма Джина Махавира Вардхамана (подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 287–290]).

и последовательно (и желательно — непротиворечиво) представить их читателю. Такое понимание методологии исторического исследования является доминирующим и по сей день. Поэтому обобщающие труды, каким является и работа А. К. Чаттерджи, имеют все достоинства и соответствующие недостатки, присущие подобному подходу. Труд А. К. Чаттерджи охватывает всю историю джайнизма вплоть до XVII в. в соответствии с местами присутствия джайнской общины — Матхура, Орисса, Северная Индия (Гуджарат, Раджастхан, Мадхья Прадеш, Махараштра) и Южная Индия (Тамилнад, Керала, Андхра Прадеш и Карнатака). Литературные источники (как нарративные, так и религиозно-доктринальные) вкуче с эпиграфикой позволяют индийскому исследователю нарисовать целостную картину деятельности представителей джайнских общин в различных регионах Индийского субконтинента. При этом не проблематизируется «историчность» самих источников и легитимность подобного подхода.

Еще более ярким примером склонности к «традиционализму» (в данном случае, приверженности точке зрения джайнской традиции) является трехтомный труд «История джайнизма» Кайлашчанда Джайна, ставший итогом его многолетней научной деятельности как историка, чьи взгляды на историю джайнизма сформировались еще в 60–70-е гг. XX в. и были изложены в его книгах «Джайнизм в Раджастхане» (англ. *Jainism in Rajasthan*) и «Махавира и его время» (англ. *Lord Mahāvīra and His Times*), вышедших, соответственно, в 1963 и 1974 гг. Эти работы в значительной степени вошли и в его трехтомное издание по истории джайнизма. Так, первый том, озаглавленный «Джайнизм перед и во времена Махавиры» (англ. *Jainism Before and in the Age of Mahāvīra*), целиком включает в себя текст «Махавира и его время», а «Джайнизм в Раджастхане» в той или иной степени входит в различные разделы второго тома, имеющего название «Исторический обзор и распространение джайнизма» (англ. *Historical Survey and Spread of Jainism*).

Очевидно, что взгляды К. Джайна на историю возникновения и распространения джайнизма не претерпели никаких изменений, равно как осталось неизменным его отношение к двум базовым источникам его реконструкций — литературе и археологии [Jain, 2010, p. 21]. При этом автор оговаривает, что он использует их «после критической проверки», не уточняя, впрочем, что имеется в виду под подобной «проверкой». Исходя из дальнейшего изложения можно предположить, что индийский ученый сравнивает сведения, сообщаемые текстами джайнского канона (в первую очередь, шветамбарского) со свидетельствами, почерпнутыми из сопутствующей брахманистской (дхарма-сутры, грихья-сутры, пураны) и буддийской литературы (палийский канон). Такой же «собираательно-описательной» стратегии К. Джайн придерживается и в третьем томе, озаглавленном «Средневековый джайнизм» (англ. *Medieval Jainism*), в котором представлены сведения о *тирмхах* — местах паломничества и исторических центрах джайнизма в различных регионах Индии, а также затронуты проблемы взаимодействия джайнов и мусульман в период средневековья.

Работы А. К. Чаттерджи и К. Джайна на сегодняшний день являются главными обобщающими трудами по джайнизму в индийской историографии, хотя

и были созданы более полувека назад, в период активного развития индийской исторической науки. С тех пор ничего масштабного или просто сопоставимого по объему и охвату материала учеными Индии в сфере Jain Studies сделано не было. Очевидно, по этой причине данные труды переиздаются по настоящее время, ибо индийским историкам пока нечего предъявить чего-либо нового: весь имеющийся в наличии материал так или иначе описан, методами сравнительно-исторического анализа они, если и владеют, то не очень уверенно, а саморефлексия методологической направленности им не присуща. Во всяком случае, не в этой области.

Тем не менее среди индийских историков имеются и ученые, чьи работы демонстрируют не только умение рисовать большие исторические полотна широкими мазками, но и способность к более детальному выписыванию локальных явлений точечными прикосновениями. В их числе особого внимания заслуживает южноиндийский ученый из Карнатаки С. Сеттар, чьи вышедшие в 1986 и 1990 гг. книги «Приглашая смерть. Исторические эксперименты на могильном холме» (англ. *Inviting Death: Historical Experiments on Sepulchral Hill*) и «Устремляясь к смерти. Философия и практика добровольного прекращения жизни» (англ. *Pursuing Death: Philosophy and Practice of Voluntary Termination of Life*) выделяются на общем фоне Jain Studies в Индии скрупулезным исследованием сохранившихся свидетельств о *саллекхане*⁵ — добровольной религиозной смерти посредством прогрессирующего отказа от пищи и питья в джайнской традиции. Первая книга посвящена главным образом анализу археологических данных, т. е. надписям на мемориальных плитах *нишидхи* в Шраване Белголе (совр. шт. Карнатака) [Settar, 1986]. Вторая же представляет собой изучение относящихся к этой практике религиозных текстов (или их фрагментов) [Settar, 1990]. Автор, будучи специалистом по истории Карнатаки, анализирует материал, сохранившийся в качестве надписей на каменных плитах, стелах, стенах и т. п. в Шраване Белголе на территории 5 кв. км на протяжении ок. 1,5 тысячелетий о добровольной смерти почти 150 мужчин и женщин. Центральная часть этих надписей сосредоточена на гранитных плитах горы Чандрагири, также известной как «Могильная гора» (каннада *Kaṭavapra, Kaḷvappu*) или «Гора Сосредоточения» (каннада *samādhi-beṭṭa*). Практика *саллекханы*, уникальная для джайнизма, прослеживается С. Сеттаром на примере мирских и монашествующих последователей учения Махавиры через связь религиозной жизни и духовных ценностей, роли храмов и монастырей, поддерживающих и распространяющих влияние джайнизма благодаря взаимным контактам представителей различных джайнских субтрадиций.

Подробный анализ сохранившихся надписей в Шраване Белголе дает индийскому исследователю основание выделить несколько этапов в истории формирования этого места в качестве религиозного и духовного центра. Начальный этап (600–900 гг.) определяется сугубо духовными устремлениями адептов джайнизма, взыскивающих нравственного совершенства и стремящих-

⁵ *Саллекхана* (*sallekhanā, samlekhanā* — «выскабливание, соскребывание») — термин джайнской религиозной практики, обозначающий пост до смерти. Предполагается, что посредством такого «выскабливания» остатков порочной кармической материи в этой жизни можно улучшить свою последующую жизнь (подробнее см.: [Железнова, 2021]).

ся к завершению жизни наиболее благочестивым способом. Второй этап (900–1100 гг.) предполагает некоторый переход от сосредоточенности на самой практике ритуальной смерти к ее институционализации усилиями джайнов-мирян с целью превращения Шраваны Белголы в религиозный центр. На третьем этапе (1100–1300 гг.) здесь возводится большое число храмов, прудов, мемориалов, что свидетельствует о материально упрочившемся положении джайнов и превращении этого места в экономический центр округи. Это сопровождается и одновременным ослаблением монашеской и собственно духовной жизни внутри общины. Следующий этап (1300–1600 гг.) ознаменован постепенным ухудшением и материального положения последователей Махавиры, ослаблением энтузиазма в отношении дарений и возведения храмов, а также межконфессиональными конфликтами. Последний этап (1600–1900 гг.), который выделяет С. Сеттар, характеризуется полным упадком, как экономическим, так и религиозным. По словам самого ученого: «Ритуальная смерть, которая вписала Катавапру в историю, теперь сама стала лишь смутным историческим воспоминанием» [Settar, 1986, p. 90].

Следует отметить, что, если бы автор книги дожид до наших дней, он наверняка упомянул бы наступление нового этапа в истории Шраваны Белголы в XX–XXI вв. — возрождения ее в качестве религиозного центра для джайнов Южной Индии, хотя уже более и не связанного напрямую с практикой *саллекханы*. Вклад же С. Сеттара в изучение истории Шраваны Белголы и джайнизма был по достоинству оценен не только учеными-индологами, но в какой-то степени и местной джайнской общиной — обе его книги до сих пор продаются в книжном магазине при джайнском монастыре-*матхе*.

Надо сказать, что Шравана Белгола не впервые привлекает внимание исследователей: книгам С. Сеттара предшествовала небольшая, но значимая работа индийского историка и социолога Виласа А. Сангаве «Священная Шравана-Белгола. Социально-религиозное исследование» (англ. *The Sacred Shravanabelagola. A Socio-Religious Study*), вышедшая в 1981 г. и приуроченная к празднованию тысячелетия возведения статуи Гомматешвары-Бахубали и проведению церемонии великой *мастакабхишеки*⁶. Автор довольно подробно рассматривает историю этого места джайнского паломничества в историческом контексте: от времени появления первых джайнских аскетов (что джайнской, главным образом дигамбарской, историографией соотносится с приходом сюда *шрутакевалина*-знатока писания⁷ Бхадрабаху и царя Чандрагупты Маурьи) до современного самому автору книги периода. Особое

⁶ *Мастакабхишека* (*mastakābhiṣeka* — «окропление головы») — обряд окропления головы большой статуи Бахубали (достигшего всеведения младшего сына первого *тиртханкара* Ришабхи), проводимый дигамбарами, как правило, раз в 12 лет (подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 179–180]).

⁷ *Шрутакевалин* (санскр. *śrutakevalin* — букв. «всеведущий в услышанном/учении») — термин доктрины, обозначающий пятерых руководителей общины (у дигамбаров — Вишну, Нандимитра, Апараджита, Говардхана и Бхадрабаху; у шветамбаров — Прабхава, Шаямбхава, Яшобхадра, Самбхутивиджая и Бхадрабаху), которые возглавляли сангху и знали в полном объеме проповеди последнего *тиртханкара* Махавиры (подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 327]).

место в изложении занимает покровительство Чамундараджи, Гангараджи и других царских министров в Шраване Белголе и возведение статуи Гомматешвары с детальным описанием проведения ритуала ее окропления / омовения [Sangave, 1981, p. 94–110]. Как и подавляющее большинство индийских ученых, В. А. Сангаве не подвергает сомнению историю прихода на юг Карнатаки части джайнской сангхи во главе с Бхадрабаху вместе с отказавшимся (согласно джайнской легенде) от царства Чандрагуптой Маурьей. В этом он следует вполне устоявшемуся в среде индийского научного сообщества представлению о подлинности джайнских свидетельств относительно джайнской сангхи под руководством Бхадрабаху и принятия перед ним монашеских обетов Чандрагуптой. Примечательно, что на горе Чандрагири располагается пещера, в которой, согласно легенде, после продолжительной аскезы окончил свои дни посредством *саллекханы* Бхадрабаху. Там же имеются *падуки* — отпечатки стоп последнего дигамбарского *шрутакевалина*. Предание утверждает, что в той же самой пещере и тем же благочестивым способом окончил свои дни и Чандрагупта Маурья — некогда великий царь, а затем ученик и последователь Бхадрабаху. В честь этого славного правителя гора и получила название.

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...»

Радикальной «деконструкции» нарратив о миграции джайнской сангхи на юг Карнатаки подвергся уже в XXI в. в работах польского ученого Петра Бальцеровича «Ранний аскетизм в Индии. Адживикизм и джайнизм» (англ. *Early Asceticism in India. Ājīvikism and Jainism*) и более детально в статье «Царское покровительство джайнизму. Миф о Чандрагупте Маурье и Бхадрабаху» (англ. *Royal Patronage of Jainism. The Myth of Candragupta Maurya and Bhadrabāhu*). Развенчание этого мифа П. Бальцеровичем строится на анализе эпиграфических данных именно из Шраваны Белголы (самая ранняя надпись датируется 600 г. н. э.). Связывая воедино эпиграфические надписи и джайнскую нарративную литературу, польский индолог бескомпромиссно опровергает укоренившиеся в индологической литературе и джайнском общественном сознании представления о миграции Бхадрабаху на юг Индии, основание им джайнской общины в Шраване Белголе, обращение Чандрагупты Маурьи в джайнизм и его пребывание там в качестве ученика Бхадрабаху, и как следствие всего этого — что оба героя данного нарратива закончили свои дни через *саллекхану*. П. Бальцерович подводит четкую черту под этим сюжетом, тем самым лишая Шравану Белголу немалой доли ее духовной «ауры»: история о связи легендарного главы сангхи и императора из династии Маурьев возникает в джайнской традиции не ранее VII в. н. э., т. е. спустя девять веков после предполагаемого события, и является не чем иным, как мифом [Balcerowicz, 2018, p. 61–62].

Главным достижением, подводящим своеобразный итог Jain Studies в XX в., без преувеличения можно считать книгу «Джайны» (англ. *The Jains*) английского ученого Пола Дандаса, опубликованную в 1992 г., а затем дважды переизданную — в 2002 и 2012 гг. Данная работа остается по сей день непревзойденной по многим параметрам, поскольку дает целостное и объемное пред-

ставление об истории и учении джайнизма с сугубо научных позиций, учитывая при этом различные взгляды и охватывая все доступные академическому сообществу сведения по джайнизму. П. Дандас смог в одном томе обобщить и очень структурировано изложить накопленное знание по самым разным аспектам джайнизма — от мифологии и «историософии» до положения дел в джайнской диаспоре за пределами Индии [Dundas, 2002]. Этот образцовый научный труд, сочетающий в себе академический подход, эрудицию автора и увлекательность изложения, востребован как в среде профессиональных индологов, так и среди студентов, только начинающих знакомиться со всем многообразием индийских религиозных направлений.

После публикации этой книги вышла в свет в 2007 г. еще одна значительная работа английского индолога, посвященная истории формирования и распространения одной из самых известных и распространенных шветамбарских субтрадаций, известной как Тапа-гачча (Тарā-гачча), под названием «История, тексты и споры в средневековом джайнском течении» (англ. *History, Scripture and Controversy in a Medieval Jain Sect*). В этой работе П. Дандас на основе привлеченных неизученных источников показал, как представители Тапа-гаччи в полемике за первенство своей линии духовной преемственности, создание культа одного из монашеских лидеров, оправданности стилей комментирования канона и ритуальных практик создали рафинированную интеллектуальную культуру, ставшую средством сохранения собственной религиозной идентичности в период позднего средневековья [Dundas, 2017, p. 165–166]. Такой подход позволяет рассматривать локальные процессы, происходившие в джайнской общине с XIII по XVII в., на фоне более общих изменений, которые претерпели различные религии по всей Южной Азии.

Работы П. Дандаса отражают основную тенденцию, господствующую в среде западных ученых, занимающихся изучением джайнизма, — они предпочитают анализировать локальные явления, ранее не становившиеся предметом научной рефлексии или вообще не попадавшие в поле зрения исследователей, на базе изучения сохранившихся исторических свидетельств (литературных источников, эпиграфики, изобразительного искусства и т. п.).

Подобной стратегии придерживаются не только именитые западные ученые, занимающиеся изучением истории джайнизма, такие как П. Дандас и П. Бальцеревич, но и представители более молодого поколения индологов-историков. Так, работы бельгийского исследователя Тилло Детиге посвящены изучению института *бхаттараков*⁶ в дигамбарской ветви джайнизма, который долгое время не попадал в фокус внимания ученых, оставаясь на периферии их научных интересов. Т. Детиге предпринял попытку реконструкции становления этого религиозного феномена внутри джайнской общины в Западной и Центральной Индии (1100–1800 гг.) на основе сохранившихся в общинах *паттавалу* (*paṭṭāvalī*) — генеалогических списков учителей — и других письменных сведений. Несмотря на некоторое преувеличение значения *бхатта-*

⁶ *Бхаттарака* (санскр. *bhaṭṭāraka* — букв. «почитаемый, знаток») — почетный титул мужчины, выбранного в качестве главы группы общины, постоянно проживающего в *матхе*-монастыре и не придерживающегося обязательной для монахов практики наготы [подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 77–78]].

раков в сохранении аскетической составляющей джайнизма на протяжении средних веков, бельгийский историк вполне справедливо подчеркивает исключительную роль, которую сыграл данный религиозный институт в социальной истории джайнизма, во всяком случае — в его дигамбарской ветви [Detige, 2020, p. 211–212].

Очевидно, что наступило время для более пристального внимания по отношению к конкретным явлениям и событиям, имевшим место в джайнизме, поэтому дальнейшее развитие исторических исследований внутри макродисциплины Jain Studies пойдет по пути более детального изучения локальных джайнских традиций.

«Храните память бережней...»

Подводя итоги изложенному, можно отметить, что второй этап развития джайнологии в XX в. определяется масштабными историческими проектами, охватывающими все время существования джайнизма на территории Индийского субконтинента. Доминирующую роль в создании общей истории джайнизма сыграли индийские ученые, чьей задачей было представить общественности — как научному сообществу, так и более широкой публике — целостную картину становления и распространения джайнизма. При этом индийские историки джайнизма *en masse* были заняты изложением (зачастую просто некритическим пересказом) устоявшихся крупных нарративных сюжетов, сформировавшихся внутри самой джайнской традиции. Западные исследователи со временем перехватили инициативу в сфере изучения истории джайнизма, но направили свои усилия на анализ более частных явлений, резонно полагая, что мозаика складывается и становится видна общая картина лишь при внимательном всматривании в составляющие ее части. При этом европейские ученые, в отличие от их индийских коллег, более сдержанно относятся к свидетельствам самой джайнской традиции в реконструкции собственной истории, предпочитая исходить из более достоверных данных эпиграфики, чем опираться на сложившиеся внутри джайнизма нарративы.

Список литературы / References

1. Железнова Н. А. *Дигамбарская философия от Умасвати до Немичандры. Историко-философские очерки*. М.: Восточная литература, 2012. [Zheleznova N. A. *Digambara Philosophy from Umasvati up to Nemichandra: Historical and Philosophical Essays*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012 (in Russian)].
2. Железнова Н. А. *Джайнизм. Энциклопедический словарь*. М: Наука; Восточная литература, 2018. [Zheleznova N. A. *Jainism. A Concise Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2018 (in Russian)].
3. Железнова Н. А. Саллекхана — джайнский вариант «эвтаназии». *Orientalistica*. 2021. Т. 4. № 1. С. 214–232. DOI:10.31696/2618-7043-2021-4-1-214-232 [Zheleznova N. A. Sallekhanā: Jaina version of “euthanasia”. *Orientalistica*. 2021;4(1):214–232 (in Russian)].

4. Alsdorf L. *The History of Vegetarianism and Cow-Veneration in India*. London: Routledge, 2010.
5. Ayyangar R., Seshagiri B. *Studies in South Indian Jainism*. Delhi: Shri Satguru Publication, 1982 (1st ed. 1922).
6. Balcerowicz P. *Early Asceticism in India. Ājīvikism and Jainism*. London – New York: Routledge, 2016.
7. Balcerowicz P. Royal Patronage of Jainism. The Myth of Candragupta Maurya and Bhadrabāhu. *The Gift of Knowledge. Patterns of Patronage in Jainism*. Ed. by Ch. Chojnacki and B. Lecrère. Bangalore: Sapna Book House, 2018, pp. 33–66.
8. Deo S. B. *History of Jaina Monasticism from Inscriptions and Literature*. Poona: G. S. Press, 1956.
- 9.. Jain J. C. *The Vasudevahiṇḍī: An Authentic Jain Version of Bṛhadkathā*. Ahmedabad: L. D. Institute of Indology, 1977.
10. Chatterjee A. K. *A Comprehensive History of Jainism*. In 2 vols. Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt Ltd, 2000 (1st ed. 1978).
11. Chavan S.P. *Jainism in Southern Karnataka (up to AD 1565)*. New Delhi: D. K. Printworld, 2005.
12. Detige T. Digambara Renouncers in Western and Central India, circa 1100–1800. *Brill's Encyclopedia of Jainism*. Editors John E. Cort, Paul Dundas, Knut A. Jacobsen, Kristi L. Wiley. Leiden – Boston: Brill, 2020, pp. 182–215.
13. Dundas P. *The Jains*. London – New York: Routledge, 2002 (1st ed. 1992).
14. Dundas P. *History, Scripture and Controversy in a Medieval Jain Sect*. London – New York: Routledge, 2017.
15. Jain J. Ch. *Life in Ancient India as Depicted in the Jain Canon and Commentaries: 6th century BC to 17th century AD*. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1984.
16. Jain J. Ch. *Studies in Early Jainism (Selected Research Articles)*. New Delhi: Navrang, 1992.
17. Jain J. Ch. *History and Development of Prakrit Literature*. New Delhi: Manohar Publishing House, 2006.
18. Jain J. P. *The Jaina Sources of the History of Ancient India (100 BC – AD 900)*. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2005 (1st ed. 1964).
19. Jain K. C. *Jainism in Rajasthan*. Sholapur: Jaina Samskriti Samrakhaka Sangha, 1963.
20. Jain K. C. *Lord Mahāvīra and His Times*. Lala Sundar Lal Jain Research Series. Vol. VI. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers PVT. LTD, 1991 (1st ed. 1974).
21. Jain K. C. *History of Jainism*. In 3 vols. New Delhi: D. K. Printworld (P) Ltd., 2010.
22. Jash P. *Some Aspect of Jainism in Eastern India*. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1989.
23. Jawaharlal G. *Jainism in Andhra as Depicted in Inscriptions*. Jaipur: Prakrit Bharati Academy, 1994.
24. Sangave V. A. *The Sacred Shravanabelagola. A Socio-Religious Study*. Mūrtidevī Granthamālā: English No. 8. New Delhi: Bharatiya Jnanpith, 1981.
25. Settar S. *Inviting Death. Historical Experiments on Sepulchral Hill*. (Institute of Indian Art History Series. No. 3). Dharwad: Karnatak University Press, 1986.

26. Settar S. Pursuing Death. *Philosophy and Practice of Voluntary Termination of Life*. (Institute of Indian Art History No. 4). Dharwad: Karnatak University Press, 1990.
27. Shah C. J. *Jainism in North India 800 BC — AD 526*. New Delhi: D. K. Printworld, 1932 (rev. ed. 2005).
28. Singh R. P. *Jainism in Early Medieval Karnataka*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1975.
29. Sheth C. B. *Jainism in Gujarat (A.D. 1100 to 1600)*. New Delhi: Cosmo Publication, 2014 (1st ed. 1953)
30. Tiwary B. K. *History of Jainism in Bihar*. Gurgaon: The Academic Press, 1996.

Информация об авторе

Железнова Наталья Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; natali-zheleznov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0806>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена рецензентами 25.04.2024; принята к публикации 26.04.2024; опубликована 20.07.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Natalia A. Zheleznova — Ph. D., Senior Research Fellow, Department of History and Culture of the Ancient East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; natali-zheleznov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0806>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 26.04.2024; published 20.07.2024.

The author has read and approved the final manuscript.